

УДК 330.8 (082)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: «МЭЙНСТРИМ» И «ЭВОЛЮЦИОНИЗМ»¹

© 2015 г. О. С. Сухарев

Институт экономики РАН, г. Москва

Рассматриваются методологические проблемы современного экономического знания, адекватность критики «мэйнстрима» со стороны эволюционных экономистов и институционалистов, возможности неоклассического направления анализа и его вклад в экономическую науку. Исследуется вопрос о том, способна ли эволюционная экономика, в частности, ее инновационное направление, составить основу нового «мэйнстрима», вводится понятие «эффекта моды» в науке, как явления, отражающего накал методологических дискуссий, а также формулируется фундаментальная методологическая проблема экономической науки с указанием общего подхода для ее разрешения.

Ключевые слова: «мэйнстрим»; «эволюционизм»; методология; эффект моды; фундаментальная методологическая проблема.

The methodological problems of modern economic knowledge, the adequacy of criticism “mainstream” by evolutionary economists and institutionalists, opportunities neoclassical direction analysis and its contribution to economic science are reviewed in the article. Author examined the question of how can the evolutionary economics, particularly its innovative direction, form the basis of the new “mainstream”, introduces the concept of “fashion effect” in science, as a phenomenon, reflecting the intensity of methodological discussions, and formulated the fundamental methodological problem of economics, indicating a common approach to its solution.

Key words: «mainstream»; «evolutionism»; methodology; the effect of fashion; the fundamental methodological problem.

(Окончание, начало в №3)

2. Эволюционизм как новый «мэйнстрим»

Новые возможности экономической науки часто связывают с так называемой эволюционной экономикой. Эволюционная экономика рассматривает длительные периоды функционирования экономических систем, в которых происходят изменения. Именно эти изменения становятся объектом анализа экономистов-эволюционистов. Следовательно, гла-

вным принципом в эволюционной экономике выступает принцип изменчивости, а также наследования (сохранения признаков и форм экономической организации и управления), и принцип естественного отбора, известный из биологии, который в социуме нарушается, поскольку в конкуренции побеждает далеко не самый эффективный агент (гиперселекция).

В институциональной и эволюционной теории используются два главных понятия: института и эволюции. Некоторые исследователи, например Д. Норт, Р. Коуз, О. Уиль-

¹ Доклад на «Неделе инженерной экономики» в ЮРГТУ (НПИ), 18–22 мая 2015 г.

ямсон, делают акцент на институциональную экономику, развивая традиции американского институционализма, Е. Андерсен, С. Уитт, Р. Нельсон, Дж. Силверберг — на эволюционную экономику, причем каждая группа исследователей считает, что их направление анализа позволяет достичь наиболее высокого уровня теоретического обобщения и вбирает в себя все остальные теории в виде частных случаев. Эволюционный подход начал набирать интеллектуальный вес примерно с середины 1980-х гг., когда были созданы первые эволюционные модели фирмы, приобретшие достаточную известность. В нем можно удачно применять анализ изменчивости психологических факторов и моделей поведения игроков и агентов для изучения закономерностей эволюции экономической системы. По существу изменение модели по ходу ее математической реализации за счет переключения одной стратегии поведения на другую — это и есть учет психологического фактора в экономике, в эволюционном моделировании. По сути, такой подход составляет «микрооснову» макроэкономики, которую ищут многие исследования, начиная с «критики Лукаса», согласно которой макроэкономика не существует, а она на самом деле существует и никуда не исчезала — нужно лишь правильно использовать ее в проводимом анализе.

Эволюционное направление экономического анализа вводит ряд принципов, без которых невозможно представить существо и эволюцию хозяйственных процессов и которые не учитываются в неоклассическом подходе и которые имеют изменяемую психологическую основу. Список этих важных положений можно обозначить следующим образом.

Методологическую основу эволюционного подхода в отличие от «мэйнстрима» составляют:

- принцип неполноты информации;
- ограниченная рациональность;
- «экономический империализм»;

- отсутствие равновесия;
- холизм;
- индуктивный подход в анализе экономических явлений².

Эволюционная экономика оперирует процессуальными эффектами:

- хреодный эффект, когда система или отдельные институты устойчиво развиваются по неэффективной траектории;
- эффект гиперселекции, когда неконкурентоспособные фирмы вполне успешно развиваются, захватив определенную нишу рынка;
- эффект обучения, при котором происходит улучшение продуктов или уменьшение затрат на производство по мере их распространения на рынке;
- эффект координации и культурной инерции;
- зависимость от прошлого развития (path dependens), либо независимость от прошлого (path independens);
- эффект блокировки (lock in);
- эффект институциональной регрессии (дилемма Холмса — Мориарти);
- кумулятивный эффект и согласованность норм (внедряемой и существующей);

Кроме того, вводятся некоторые важные принципы, используемые в анализе проблем эволюционных изменений:

- принцип неоднородности, провозглашающий, что наиболее приспособлены те системы, которые состоят из неоднородных элементов, действующих по разным правилам;
- принцип «lock in», либо запирания, то есть действия неэффективной устойчивой нормы, когда эту неэффективность невозможно преодолеть
- принцип дисфункции института/дисфункциональности экономической системы³;
- принцип «комбинаторного наращения» (подробнее см. [3]), выступающий основным принципом описания эволюции технических систем, технологий.

Эволюционная теория обычно рассма-

² Абстрактно-дедуктивный подход также применяется, особенно в части проектирования эволюционных моделей — *прим авт.*

³ Концепция дисфункции института/дисфункциональности экономической системы предложена автором в 1998–1999 гг.

тривает два краеугольных элемента, обеспечивающих развитие экономической системы: технологию и институты. Поэтому выделяют и два направления эволюционной теории: эволюционный институционализм и инновационно-технологическое направление. Однако, главный вопрос эволюционной теории — это причина долгосрочных хозяйственных изменений. Конечно, ответ состоит в том, что причиной таких изменений являются изменения в демографии (рост населения), технологический прогресс (обеспечиваемый наукой и техникой, знаниями) и соответствующие изменения в институтах. Хозяйственная эволюция необратима по нескольким причинам. Во-первых, происходит замена поколений людей и фондов (капитала и технологий) и изменяются институты. Причем важным свойством институциональных изменений выступает то, что пока они не произошли изучить то, как и на что они влияют и как определяют развитие практически невозможно. Это выступает фундаментальным методологическим ограничением развития экономической науки и экономического знания. Во-вторых, технологический прогресс, изменения в технике, в знаниях закрепляют новые организационные формы взаимодействия людей, управления производством и т. д.

Эволюционная экономика в российской версии, то есть представленная современными исследователями, сформировалась под более сильным влиянием Шумпетера и его последователей, включая К. Переса, Г. Менша, К. Фримена и др., нежели под влиянием Н. Д. Кондратьева или А. Богданова. Иными словами, российский эволюционизм представляет собой инновационно-технологическое направление эволюционной экономики.

Экономическая наука как система знания, включает труд составляющих и представляющих ее людей по познанию экономической действительности, должна предлагать результат по двум магистральным направлениям: собственной методологии, то есть совершенствовать аппарат проведения и интерпретации исследований, развивать методологический аппарат (развитие «внутри»), и предлагая результаты (модели, методики и т. д.) для управления, то есть для обоснования мероприятий экономической политики.

Обобщению подлежат факты, которые состоялись. В этой связи экономическая наука опирается на работу служб статистики и архивов, то есть на «историческую» компоненту. Анализ собранных фактов, требует с одной стороны методов сбора и упорядочения фактов, затем отбора релевантных факторов, потом анализа и синтеза на уровне итоговых заключений. Кроме того, любой прогноз предполагает использование исходной информации, то есть текущих фактов с тем, чтобы пролонгировать оценки на будущее, понять как изменится ситуация в силу наличия этих фактов. В связи с этим спор о методе, который был характерен для молодой исторической немецкой школы, в лице Г. Шмоллера, и австрийской школой, в лице К. Менгера, перестает быть актуальным. Причина банальна — индуктивный метод познания крайне необходим для экономических исследований, как и историческая основа, но и абстрактно-дедуктивный метод, исходные принципы, касающиеся модели человека, в частности, методологический индивидуализм в той же степени необходимы, иначе не удастся получить более или менее пригодных эконометрических моделей. Иными словами, экономическая наука, если относиться к ней как системе ценных знаний о развитии общества, хозяйственной жизни, применяет все известные приемы познания реальности. Противопоставления или предпочтения тех или иных методов, как и стремление отвергнуть какой-то способ, превознося тот, которому сам следуешь, возникают в мозгах тех исследований, которые не беспристрастны. Они ангажированы ситуацией, складывающейся в области экономической науки конкретного исторического периода. В частности, эволюционная экономика по идее должна изучать закономерности на больших исторических промежутках времени, иначе она перестанет оправдывать себя как «эволюционная экономика». Эволюция предполагает длинный отрезок времени. Следовательно, оценке, изучению подвергнуты необратимые изменения в большей степени, чем обратимые, так как обратимые изменения являются атрибутом все-таки более коротких по времени участков развития. Другое дело, что выделение обратимых и необратимых изменений уже

по факту своего присутствия является моделью, поскольку разделяет общий контекст происходящих в экономической системе изменений. Сразу возникает проблема о взаимосвязи таких изменений, как и проблема отношения коротких интервалов и длинных интервалов времени в экономической эволюции. Ведь краткосрочные изменения и реакции, в конечном счете, образуют и долгосрочную тенденцию и слагают качество изменений на продолжительном отрезке времени.

Очень часто эволюционная экономика представляется в идее двух магистральных направлений анализа: эволюционного институционализма и технологического направления, изучающего влияние технологических изменений, инноваций на развитие. Однако, многие подходы и «модели» в рамках последнего направления эволюционной экономики не только ничего не проясняют в части причинно-следственных связей технологического развития, но и дают довольно условную описательную картину постфактум, выделяя исторические этапы или фазу развития технологий и экономики. В частности, доктрина технико-экономической парадигмы и связанная с ней, можно сказать в существенной степени повторяющая ее доктрина технологического уклада, мало того, что в методологическом плане очень сильно напоминают классификационные подходы немецкой исторической школы, которая выделяла различные типы (уклады) эволюции городского, сельского хозяйства и т. д., дает лишь весьма примерно объяснение закономерностям эволюции социально-экономической системы в историческом ракурсе. Слабость согласования объяснений и описаний на коротких и длинных интервалах здесь также становится очевидной. Наибольшую популярность получила классификационная доктрина К. Перес, которая выделяет технико-экономические парадигмы (уклады) технологического развития экономики, именно посредством смены этих парадигм или укладов трактуется эволюция хозяйственной системы. Этот подход, надо отдать должное, по сути своей является эволюционным, поскольку охватывает долгосрочный период функционирования экономической системы и в рамках его делается попытка увязать различные этапы техно-

логического развития. Причем вряд ли кто-то усомнится, что развитие техники и технологий составляет основу эволюции хозяйственной системы.

Нужно отметить, что многочисленные эпигоны, с удовольствием и удовлетворением копируют подход К. Перес, который, на самом деле, не может претендовать на объясняющую модель технологического развития, не говоря уже о претензиях на теорию циклических кризисов или эволюционную теорию экономики.

Существо подхода К. Перес обозначим следующими позициями:

1. Благоприятные условия для очередной технологической революции возникают, когда потенциал предыдущей близок к исчерпанию.

2. Якобы возникает некая технико-экономическая парадигма, которая наделяется специфическими свойствами, подобно самостоятельному объекту — а именно, открывает «окна возможностей», определяющих пространство проектных, продуктовых решений, стимулирующих инноваторов [2, с. 54].

3. Определение технологической революции и технико-экономической парадигмы.

«Технологическую революцию можно определить как мощный кластер новых и динамичных технологий, продуктов и отраслей, способный вызвать подъем в экономике и породить долгосрочную тенденцию к развитию» [2, с. 30]. Далее утверждается, что это представляет собой совокупность крепко связанных технических инноваций, предполагающих использование низкзатратного ресурса широкого применения (энергия, материал и т. д.), а также новую инфраструктуру. Как видим, сразу же энергия и отрасль выступают в качестве объекта, по которому и будет затем даваться классификации пяти революций и соответствующим им, так называемым, технико-экономическим парадигмам. Вместе с тем, требование подъема экономики и мощность самого пучка инноваций, продуктов, отраслей — требуют неукоснительного уточнения, иначе термин просто расплывается, а периодизация без выяснения, что происходит в указанные исторические периоды с этой мощностью, теряет свою значимость.

И тут же автор защищает себя: «...автор

пытается построить эвристическую модель, а не наложить смиренную рубашку на историю. Она [модель — *прим. авт.*] полна исключений и отдельных уникальных явлений, которые ломают выделенные закономерности. Из рассмотрения были исключены события, специфическим образом влияющие на распространение технологий, что неизбежно ведет к упрощению реальности» [2, с. 78].

На мой взгляд, недостатки подхода К. Переса суммарно и очень обобщенно можно представить следующими позициями⁴:

Во-первых, термин «технологическая революция» весьма некорректен в определении, поскольку даже в пояснении автора содержатся расплывчатые формулировки или термины, которые можно толковать двояко, либо каким-то образом дополнительно уточнять или определять.

Во-вторых, совершая попытку агрегации макроэкономического развития в аспекте технологий, К. Перес выделяет пять технологических революции и соответствующих им парадигм, но период каждой — свой. Первая охватывает 58 лет, вторая — 49 лет, третья — 33, четвертая — 63 года и пятая якобы продолжается с 1971 года по настоящее время, то есть уже 40 лет. Конечно, выделение отраслей под эти периоды и инфраструктуры во многом условное, причем осуществляется без измерения структуры и доминирования каждой отрасли [2, с. 38–40, 43–44].

В-третьих, «большой взрыв» на уровне технологий и технологического развития не наблюдается — это не астрономия, не рождение черной дыры или галактики. В технологической сфере имеют место открытия, в том числе типа озарений, но по мере насыщения знаний, принцип накопления и синтеза становятся определяющими экономико-технологическое развитие.

В-четвертых, подобная классификация может возникнуть только постфактум — прогнозное значение ее крайне слабое, если во-

обще имеется, поскольку неопределенность появления новых комбинаций крайне высока и то, что сегодня, появившись, кажется, что составит новую комбинацию, в частности, нанотехнологии, может оказаться, будет иметь лишь вспомогательное значение по отношению к совершенно новейшим технологиям, которые комбинаторно возникнут завтра и дадут совершенно качественно иные характеристики новым продуктам, благам широкого назначения и средствам производства.

В-пятых, доктрина созидательного разрушения, на которую также опирается К. Перес, не показывает адекватно механизм замещения технологий, как базисных, так и широкого применения (хотя вопрос относительно того, какая из технологий базисная, а какая нет, К. Перес обходит, ибо даже инженеру будет непросто выделить из набора технологий базовые, скорее всего для каждого вида производств набор этот будет свой, для машиностроения и металлообработки он свой, для электроники — свой, приборостроения и электротехники — свой, есть еще базовые законы физики и инженерных наук, позволяющие создавать технику и искать новые решения, поэтому парадигма физических и инженерных наук и является подлинной технологической парадигмой — первоосновой развития технологий)

Фактически, весь пафос доктрины Переса сводится к классификации периодов технологического развития. Поэтому со всей очевидностью и отстаиваемая позиция является историко-социологической⁵ классификационной доктриной, не более того, как экономическая теория она ничего не дает ни оценки ресурсов, которые заимствуются одной технико-экономической парадигмой у другой, ни оценивает перспектив, то есть какой будет 7 или 9 парадигма? Идея технологических укладов во многом повторяет этот подход, с уточнением, акцентом на технологическую составляющую экономического развития.

Инструменты широкого применения (мяг-

4 Подробнее см. [4]. Готовится также, в том числе и по этой проблеме, к изданию новая книга «Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста» — *прим. авт.*

5 В книге [1] концепция К. Переса еще в 1989 году относилась в разделе социологических теорий цикла. Более того, эта доктрина претерпела лишь незначительные изменения и была адаптирована к объяснению мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. Однако, существо кризиса, его природа была в меньшей степени связана с технологической компонентной и в большей степени с финансовой компонентной, финансовыми институтами и организациями — *прим. авт.*

кие, жесткие, идеологические), выступающие движущей силой распространения технологий определяются как технико-экономическая парадигма [2, с. 31]. Конечно, отождествлять инструменты и парадигму некорректно. Тем не менее, далее уточняется, что парадигма — это «здравый смысл» заложенных в ней инновационных принципов, но под принципами выступают сферы деятельности [2, с. 43, табл. 3], а не сами принципы организации научной и технической работы.

Расплывчатость формулировки налицо, поскольку автор относит к таким инструментам буквально все, влияющее на технологическое развитие. Вместе с тем, технико-экономический анализ, применяемый в рамках экономики технических систем, экономики научно-технического прогресса, экономики качества продукции, экономики НИОКР как отдельных направлений познания в рамках экономической науки давно показал, какие факторы, процедуры — конкретно, а не расплывчато определяют и как порядок действий, мотиваций, процедуры управления технологическими изменениями — на фирме, отрасли, в крупной системе, такой, как экономика страны.

Проблемы классификации технологического развития во времени, тем самым, определяются следующими моментами:

1. Каково определение технико-экономической парадигмы и технологического уклада?

2. Насколько велики возможности прогноза при помощи такой классификации?

3. Каково соотношение новых и старых технологических возможностей, замещение, наращивание, заимствование?

4. Как раскрывается циклический характер развития экономики и развития технологий — взаимосвязь финансов и развития техники?

Много лет назад С. Меньшиков и Л. Клименко задавались вопросами: как возникают барьеры, какова их сила, если замедление парадигмы приходится на фазу расцвета, а социальная система всегда запаздывает, то почему обязательна депрессия, как это связано с динамикой ключевых факторов, как сложившаяся социальная и институциональная инфраструктура мешали внедрению новых источников топлива в 1930-е гг.?

Я бы добавил к этим вопросам: как измерить скорости отставания взаимосвязанных и взаимопроникающих систем, подразделение на которые условно и делается самим исследователем?

Не получая ответов, тем не менее, российская экономическая мысль сегодняшнего дня, автоматически принимает иностранных «гуру», внимая каждому слову, не обращая никакого внимания на работы отечественных специалистов.

Применительно к технике, закономерности стечением времени имеют свойство пересматриваться. Так, это справедливо относительно закона Г. Мура. В 1965 году на заре становления микроэлектроники в мире основателем Intel Г. Муром была подмечена интересная эмпирическая закономерность, применимая к развитию отрасли микроэлектроники: каждый год плотность элементов (р-п переходов) на единицу площади должна удваиваться.

Спустя некоторое время Г. Мур вынужденно пересмотрел эту формулировку. Удвоение происходило через 18 месяцев, а еще несколько позже, в современный период, наблюдается увеличение этого периода до 3 лет. Проблема состоит в том, что: 1) стоимость оборудования и чистых комнат возрастает быстрее отдачи от вложений в это оборудование; 2) прирост эффективности от увеличения плотности не компенсирует капитальных вложений в те средства производства, которые должны обеспечить конечный прирост этой плотности; 3) монополизация отрасли микроэлектроники и концентрация капитала, связанная с необходимостью решения именно технологической задачи (потребность в концентрации капитала часто является ответом на необходимость решения сугубо технических задач), стали следствием конкуренции за высокую производительность, следствием повышения производительности элементов и микросхем.

Две технические задачи определяют развитие технологий в данной сфере — это увеличение памяти микросхем и их быстродействия. Затем уже решаются проблемы развития «умных» схем, в том числе с элементами механики. Фундаментальная природа, физика процесса, изменяет характер закономерностей развития целых секторов производства

и видов техники. Причем, когда наблюдается интенсивный рост каких-то технологических возможностей, трудно сказать, являются ли они собой новые отрасли, новые направления технологического развития, или со временем станут вспомогательной технологией, породив совершенно иные виды технологий. То же относится и к нанотехнологиям, которые могут не составить основы так называемой 6-й технико-экономической парадигмы.

В. В. Леонтьев в своем интервью в апреле 1997 года отмечал, что проблематичность функционирования Нобелевского комитета по экономике связана с тем, что он отдает предпочтение экономистам институционального направления вместо экономистов-теоретиков. Причем у экономистов институционального направления отсутствуют существенные прорывы в рамках экономической теории. Как бы мы не относились к этой точке зрения В. Леонтьева, тем не менее, важно понимать, в чем состоит сам «прорыв», в решении методологических проблем экономического анализа либо в разработке методов, помогающих обосновывать и выбирать действенные мероприятия правительственной политики? Любая модель предполагает введение определенных допущений и упрощений. Тогда возникает проблема — полученные с помощью модели результаты действительны в рамках установленных допущений и ограничений модели. Если на практике действуют иные условия и ограничения, тогда насколько возможно интерпретировать выводы модели и прилагать их к наблюдаемой экономической действительности. Полученный на модели результат действителен в рамках этой модели. Вне ее — он не может быть действительным, за исключением случая, когда реальные допущения совпадают с установленными в модели, либо когда эти допущения не противоречат условиям функционирования экономической системы на практике.

Эволюционная экономика и модели, которые она создает, отличаются от классической эконометрики тем, что в них предполагается, после того, как связи между переменными (параметрами) системы установлены, определены, моделируемая ситуация проигрывается во времени. При этом важное свойство

агентов, которые изменяют собственные модели поведения в зависимости от допущений модели или экономической теории, то есть с учетом самого экономического знания, обычно не принимается во внимание также как и в классической эконометрике. К тому же закономерности изменения самих институтов, детерминирующих экономическое развитие довольно не просто включать в подобные модели. Результат может быть получен какой угодно, но важно то, насколько точно удастся его интерпретировать, согласовать с практическими, эмпирическими данными, имеющимися в руках исследователя.

Время является главным ресурсом и ограничением. Мы не можем ничего сказать вразумительного относительно того, какой будет экономика через 100 или 200 лет. Даже период времени в 50–70 лет является «трудным» с точки зрения оценки системных параметров и результатов эволюции хозяйства, хотя горизонт в 50 лет по отдельным параметрам, например, демографическим показателям, является вполне прогнозируемым с той или иной точностью. Однако, четкого представления о структуре экономики, мировой системы, о состоянии фондов, способа и средств производства, производственных отношений мы не имеем, и даже получить такую информацию с высокой точностью не представляется возможным. В этом мне видится не только проблема неопределенности развития, когда даже наличие плана и централизованного планирования не решит этот вопрос на таком интервале времени, но и внутреннее ограничение эволюционной экономической теории и экономической науки в принципе. В действительности, экономисты-исследователи и даже футурологи, специально ориентирующие свою работу на получение аналогичных прогнозов и оценок на периоде в 50–100 лет, не могу с гарантией дать результат. Он всегда будет приближенным в сильной степени и ориентировочным. Следовательно, эволюционные модели применимы также на каком-то историческом интервале. Иными словами, они, по сути, отражают эволюцию усеченно, для какого-то отрезка. Но в любом случае требование к точности и правдивости исходных предпосылок таких моделей являются закономерными научными требованиями.

3. Перспектива экономической теории: «завышенный оптимизм» и реальность

Фундаментальная методологическая проблема экономической науки состоит даже не в том, что аппарат преодоления сложности социальной жизни имманентно ограничен. Это является объективным условием, как и трудности в описании факторов, определяющих экономические изменения. Существо проблемы кроется в том, что каким-либо образом установленные факторы требуют подбора инструментов воздействия на них — и здесь кроется основная часть методологических трудностей. Экономическая наука с большим трудом может определить необходимые инструменты воздействия и предвидеть отдаленные последствия применения тех или иных инструментов. Если имеется некий набор факторов $F = \{f_1, f_2, \dots, f_n\}$, то ему почти невозможно точно сопоставить набор инструментов $I = \{i_1, i_2, \dots, i_m\}$, где $n = m$, в общем виде $n \neq m$, к тому же один и тот же инструмент может оказывать различное влияние на различные параметры экономической системы, например, усиливать влияние f_1 и f_2 , но ослаблять действие факторов f_7 и f_{10} . Теперь представим, что изменяется набор факторов, значит должен измениться и набор инструментов, способных воздействовать и изменить значение факторов или параметров системы в необходимом для общества направлении. И здесь возникает масса проблем, а какое направление необходимо для общества, ведь оно не однородно и складывается из различных групп, имеющих разные интересы. Необходимо ли исходить из конфликта этих интересов при принятии правительственных решений, либо достаточно некоего объективного критерия эффективности, например, той абстрактной точки равновесия, которая в экономической теории признается точкой наиболее целесообразного распределения ресурсов и доходов.

Особую сложность для экономической науки представляет исследование процессов, разворачивающихся на длительном отрезке времени. Несмотря на работы Д. Норта и его последователей, которые отмечают ряд закономерностей исторического развития общества и экономики, обобщают отдельные моменты, цельной теории получить не удает-

ся опять же по причине невозможности обобщить разнородные факторы, действующие на разных интервалах времени, потому что способы производства, состояние производительных сил для разных исторических этапов различно — и именно оно создает непохожие в историческом измерении институты. Например, институт «право частной собственности» вроде бы должен быть одинаков сейчас и 300 лет назад, но юридические и экономические следствия функционирования этого института и даже набор правомочий, которые описываются рамками этого института — различны для разных исторических периодов.

Проблемы эволюции социально-экономических систем остаются слабо изученными экономической наукой. Причина не только в ограниченности аппарата науки, как сказано выше, в исследовании процессов, длительных по времени, но также в том, что на значительном интервале времени выводы о закономерностях эволюции социальных систем делают иные исследователи, которые ориентируются на подготовленную ранее информацию. Более того, на ранних этапах развития человеческого общества подобная информация вообще отсутствует или является не столь достоверной. Таким образом, само время является тем ограничивающим ресурсом, который определяет не только направление эволюции социально-экономических систем, но и выступает ограничителем в познании многих свойств, закономерностей этой эволюции. В связи с этим, разумеется, довольно проблематично в одном исследовании охватить все этапы эволюции социально-экономической системы. Экономическая наука до сих пор интересуется областями, которые сильно связаны между собой — это окружающая среда, собственно экономические субъекты и психика их поведения в изменчивой среде, но единого методологического приема, подхода не создала. В итоге, человеческое общество имеет различные формы капитализма как формы общественной организации, который по существу развивается за счет нанесения урона экосистемам и биоразнообразию, а также самому человеку, увеличивая бремя его жизни и порождая различные девиантные реакции на изменяющуюся антропогенную среду. Системные свойства всегда сложны

и изменчивы, поэтому экономическая наука в качестве базовых принципов всегда выбирала элементарную ячейку-позицию, например рациональное поведение агентов (модель поведения), принцип доступности информации и равновесия экономической системы. Тем самым, поскольку вводились такие принципы, то они сразу же считались незыблемыми, иначе надо было менять содержание анализа. На самом деле в ходе эволюции именно эти принципы перестают быть статичными.

Завышенный оптимизм по поводу эволюционной теории в экономике, использования биологических аналогий, на мой взгляд, связан с тем, что исследователям хочется заглянуть в отдаленное будущее, попытаться дать его оценку, с тем, чтобы разработать мероприятия, приближающие общественную к этому будущему состоянию. Однако, ни эволюционная экономика, ни институционализм не в состоянии стать новым «мэйнстримом». Такая «пертурбация» методологически чрезвычайно сложная и не нужная.

Эффект моды и завышенные ожидания экономистов, принадлежащих к какому-то направлению экономической мысли, когда условно фиксируют направление-оппонента, которое на самом деле динамично развивается, впитывая все возможное, создают «медвежью услугу» для развития как данного направления науки, так и экономической науки в целом, других ее направлений. «Мэйнстрим» несколько не ущербен, поскольку принципы макроэкономической и микроэкономической бухгалтерии предполагают равновесный аппарат, схему-дихотомию, а проблему конъюнктуры — спроса и предложения никто отменить не сможет. Это базовые понятия экономической науки, вбирающие в себя основную суть ее эволюции. Эволюционируют и спрос и предложение, изменяется их соотношение, содержание, качество взаимосвязи и обусловленности. При опровержении принципа «суверенитета потребителя» спрос и предложение нельзя представлять независимо. Следовательно, с точки зрения постановки исследований важно понять, что произошло с таким исходным допущением как «суверенитет потребителя». Каждой модели, позиции, не говоря о концепции и теории — нужны обоснования (логические), подтверждения — эмпирические. Точность

определений и формулировок довольно значима в экономической науке. Направление развития экономической методологии может быть только таким. Если эти формулировки расплываются, если выстраиваемые классификации постфактум также сильно упрощены и условны, то данный набор тезисов вряд ли уместно именовать теорией. Проектируемые модели, часто только искажают и направления развития самой науки, и, что особенно важно, нарушают логику практических решений и интерпретацию результативности действий в области экономики, осуществляемых правительствами.

В качестве основополагающих подходов к исследованию поставленного комплекса проблем, касающихся теоретических основ эволюционной теории и практических аспектов разработки реальных механизмов экономической политики, можно использовать следующий набор аналитических инструментов:

- методологический анализ теоретических доктрин;

- разработку критериев оценки передаточных механизмов экономической политики;

- разработку новой концепции государства и рынка, разработку подходов к оценке институционального качества экономической системы;

- анализ возможных вариантов развития экономики, форм государственного управления.

При этом психологические факторы становятся определяющими при решении названных задач. Однако рассматривать экономическую психологию в качестве некой «методологической панацеи» для экономической науки, на мой взгляд, не стоит. Как и загружать себя мыслями о единой социальной теории, или универсальной методологии познания экономических явлений, например, когнитивно-психологической методологии. Психика человека и ее изменчивость, а также масса проблем ее изучения выступают весомыми преградами для подобных альтернатив. Кроме того, «новая» методология нужна не ради ее самой, а ради решения стоящих перед наукой задач. И у нас нет оснований считать, что они не решаемы в рамках имеющихся средств и инструментов познания экономической реальности, включая развива-

ющуюся и укрепляющую свой вес в экономических исследованиях доктрину «экономического империализма».

Стереотипные подходы «мэйнстрима» в рамках гетеродоксальных программ стабилизации экономики, теория циклической динамики, обычно не принимают в рассмотрение факторы изменения психологии агентов и также крупные макроэкономические сдвиги в психологии поведения. Хотя, казалось бы, «мэйнстрим» рассматривает факторы сдвига спроса и предложения под воздействием изменения предпочтений агентов, моды, вкусов и т. д. Эти обстоятельства, конечно, составляют психологические изменения. Но прогнозировать эти изменения, либо предвидеть их на качественном уровне является пока не достижимым рубежом для экономической науки и неоклассической школы.

Главным условием успешности развития экономики является выработка стратегической линии этого процесса, для чего необходимо правильное восприятие целей и инструментов экономической политики. Фискальная и денежная политика, как и любой иной вид экономической политики (доходов, заработной платы и др.) выступают лишь инструментами достижения целей развития. А сама цель диктуется общественной логикой, системой национальных и мировых общественных предпочтений, нравственных и религиозных императивов. Важнейшим условием применительно к экономической политике является то, что стратегическая цель должна быть потенциально достижимой за обозримый интервал времени, измеряемой и разделяемой большинством ныне живущих слоев общества. В качестве такой наиболее общей цели может выступать некая агрегированная функция качества жизни, измеряемая известными социальными индикаторами. Задачей остается увязать подцели экономической политики, цели кратко и долгосрочные, политические инструменты с собственно стратегической (конечной для данного интервала) целью развития экономики. Кроме того, стратегическая цель должна обладать свойством незыблемости, т. е. должна оставаться стабильной — неизменной на выбранном отрезке времени. В противном случае мы получим ситуацию перманентно изменяемой по ходу движения стратегической цели, а в та-

ком случае срабатывает «эффект потери стратегического приоритета», то есть такую цель становится трудно установить, а значит и следовать ее достижению. Так происходит потеря стратегических ориентиров развития, что чревато и текущими провалами экономической политики.

Идея макроэкономической стабилизации сводится к снижению темпа инфляции посредством инструментов кредитно-денежной и фискальной политики. Важно отметить, что при таком условии резко сжимаются возможности и структурного маневра. В случае, если отрицается дирижистская модель управления структурными сдвигами — последние вообще становятся невозможными по определению и все разговоры об их необходимости становятся политической фразеологией. Нужно отметить, что дирижистская модель отнюдь не сводится к установлению отраслевых приоритетов, а выбирает направления социально-экономического развития, и она никоим образом не является символом исключительно индустриального общества, поскольку и в постиндустриальном обществе требуется взвешивать альтернативы и выбирать приоритеты.

Программы стабилизации представляют собой политику правительства, направленную на поддержание текущей динамики цен, полной занятости и определенного темпа экономического роста. Цель политики стабилизации: при временном отклонении ВВП (других макропараметров) в сторону понижения, ликвидировать это состояние корректирующими воздействиями за интервал времени меньше того, который бы понадобился экономике в режиме саморазвития. Эта политика не имеет целью влиять на причины отклонения ВВП — изменить соотношение новаторов, консерваторов и безработных в экономике, а стремится внешними воздействиями на спрос и предложение изменить динамику ВВП. Интересно отметить, что в случае равенства спроса предложению, а равновесие является базисной концепцией (моделью) в построениях многих ортодоксальных экономистов (представителей так называемой либеральной школы в экономике), недобровольная безработица никогда не может появиться.

Неолиберальным представлениям об эко-

номическом развитии и макроэкономической политике противостоят взгляды эволюционных экономистов, которые не сводят цели политики к балансированию бюджета, накоплению резервов и умиротворению инвесторов, считая названные инструменты лишь вспомогательными «рычагами» управления хозяйственной системой по обеспечению ее движения к установленным стратегическим целям.

Теория стабилизации экономики предлагает нормативные методы управления процессом колебаний уровня экономической активности, согласно которым требуется минимизировать отклонения важнейших экономических параметров от установленных нормативов, используя при этом подходящий политико-экономический инструментарий. Согласно классическим положениям теории экономической политики в качестве цели последней может выступать функция благосостояния (или социальных потерь). Исходя из параметров этой функции, могут быть точно определены стратегия и тактика управления на макроуровне экономики, т. е. указаны конкретные решения, позволяющие оптимизировать названные функции. При этом число инструментов экономической политики не должно быть меньше числа целей — только в этом случае возможно эффективное управление.

Под целями понимаются определенные количественные показатели, на достижение которых должна быть направлена экономическая политика, причем инструменты политики требуется включить в функцию, подлежащую оптимизации — иначе не будут учтены издержки использования самих инструментов, что резко затруднит определение целесообразности их применения на различных этапах развития экономики.

Однако у данного подхода существует серьезный недостаток: количественные показатели (цели) сильно зависимы от экономического инструментария и самих политических решений. Поэтому, ориентируясь на такие цели, довольно трудно дать верную оценку модели экономической политики.

Другой подход, известный как «критика Лукаса», утверждает, что роль правительства деструктивна по причине наличия рациональных ожиданий. Таким образом, провоз-

глашается невозможность достичь каких-либо экономических целей политическими средствами, так как реакции агентов, предугадывающих направления воздействий, нейтрализуют мероприятия политики. Из этого следует, что теряется всякий смысл не только функции общественного благосостояния или функции социальных потерь, но вообще целевого управления на макроэкономическом уровне.

Задача минимизации функции социальных потерь решается путем нахождения необходимой (в соответствии с целевыми установками) пропорции между ее параметрами. Но и в этом случае область возможных решений лежит в рамках четырех ставших классическими инструментов политики: фискальной, денежно-кредитной, регулирования валютного курса и доходов, — которые оказываются необходимыми, но недостаточными при проведении политики социальных и институциональных реформ. Причина этой необходимости состоит в том, что в управлении экономикой все-таки распространены балансовые схемы, используемые при принятии политических решений, а недостаточности — в том, что в конечном итоге все сводится опять к «старой» схеме — поощрения совокупного спроса и/или предложения. Через эти параметры достигается изменение величины безработицы и инфляции и минимизируется функция социальных потерь.

Нужно отметить, что ожидания так же зависимы от инструментов, как и количественные показатели — цели. Ввод в теорию экономической политики ожиданий — является, конечно, важным добавлением, однако этот подход строится на равновесных представлениях о функционировании экономики, на гипотезе естественного уровня безработицы. Именно поэтому преимущества модели «рациональных ожиданий» перед моделью «целей и инструментов» экономической политики — весьма призрачны, в том числе и по причине того, что в модели рациональных ожиданий присутствуют эффекты инерции, несмотря на то, что они менее существенны, чем в теории адаптивных ожиданий. Фактически эти теории макроэкономики учитывают суммарное психологическое состояние агентов, реагирующих быстро с ориентиром на будущее изменение — ожидание,

либо реагирующих медленнее с ориентиром на прошлый результат или опыт (адаптация). Однако, модели макроэкономики, построенные на таких допущениях, оказались бессильны в описании и прогнозе мирового финансового кризиса, в начале 21 века. Эволюционные модели также «не увидели» кризиса. Это наводит на мысль, что они не просто ограничены временем и историческим интервалом, что накладывает отпечаток на их достоверность, но и детерминированы исходными установками, которые позволяют «увидеть» лишь часть «эволюционного процесса», то есть «посмотреть» исследователю на «элемент эволюции». Таким образом, подлинная экономическая теория и, особенно, эволюционная теория, должна не просто исходить из назначения «гена» хозяйственной эволюции, моделируя поведение которого, дескать, удастся полностью представить эволюцию хозяйственных систем, но главное требование должно быть сведено к моделированию изменчивости основополагающих факторов, движущих экономическую систему. Смена веса факторов приводит автома-

тически к коррекции направления движения. Именно такой подход, с моей точки зрения, позволит получить адекватное отображение эволюционных изменений. Причем с точки зрения экономической методологии эта позиция является методологическим принципом создания подобных моделей и должна быть обращена к объектам и системам любого уровня сложности.

Литература

1. *Меньшикова С. М., Клименко Л. А.* Длинные волны в экономике. — М.: Международные отношения, 1989. — 289 с.
2. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. — М: Дело, 2011.
3. *Сухарев О. С.* Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста. — М.: Финансы и статистика, 2012.
4. *Сухарев О. С.* Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). — М.: Финансы и статистика, 2011.

Поступила в редакцию

8 апреля 2015 г.

Олег Сергеевич Сухарев — Доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Институционального анализа экономической динамики ИЭ РАН. Исследователь в области институционально-эволюционной экономической теории, макроэкономики, экономики промышленности, технологических и структурных изменений, теории инноваций и инвестиций, региональной экономики, проблем организации экономических исследований.

Внес вклад в теорию институциональных изменений, теорию эффективности экономики и экономического роста, управления промышленными системами и оценку эффективности инвестиций. Разработал концепцию дисфункции экономических систем и институтов, модель неошумпетерианской конкуренции «новатор-консерватор», принцип «комбинаторного наращения» и модель появлений новых комбинаций в экономике и др.

Oleg Sergeevich Sukharev — Ph.D., Doctor of Economics, professor, head of IE RAS Institutional Analysis of the Economic Dynamics research sector. Well-known scientist in the field of institutional end evolutionary economic theory, macroeconomics, economy of the industry, technological and structural changes, innovations and investments theory, regional economy, organizational problems of the economic researches.

Author made a major contribution to the development of the theory of institutional changes, theory of the economic efficiency and economic growth, management of the production systems and valuation of the investments. He worked out a concept of economic systems' and institutions' dysfunctions, a neo-Shumpeterian model of competition ("innovator — conservative"), principle of "combinative growth", a model of the new combinations' appearance in the economy, etc.

117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32

32 Nakhimovskiy pr., 117218, Moscow, Russia

Тел.: +7 (499) 724-13-89; факс: +7 (499) 129-08-88; e-mail: cee@inecon.ru, o_sukharev@list.ru